

Вырезка из газеты ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

от 1 янв. 45

Москва

Газета № . . .

А. АДАЛИС

МОЛЛА НАСРЕДДИН ВТОРОЙ

Кто не помнит старинного шутника, чудака, острошлова, прошумевшего по всему Востоку — от Басры до Пешавара и от Бахчисарая до Бухары? Молла, мулла, ходжа, хужа, хожа Насреддин — герой сотен анекдотов, любимец простонародья, святой безбожник, обличитель ханжель и лжецов, «возмутитель спокойствия», двойник таджикского Машфики и туркменского Кеминя... Время его рождения некоторые относят к шестнадцатому веку, но, кто знает, уж не относил ли сказочник тех далеких времен «житие» мифического вольнодумца к веку тринадцатому — и так без конца в глубь античных времен... Он — поэтическое привидение. Где бросит шутку веселый сказитель, там народ отвечает: «Га! прошел Молла Насреддин!» Нигде не бывал он больше мгновенья, нигде не рождался, зато нигде и не умирал.

И, однако, есть среди наших современников люди, которые утверждают, что были знакомы с живым Молла Насреддином. Они жили в одном с ним городе и могли сидеть за одним столом, даже больше — работали в одном учреждении. А было это в первой четверти двадцатого века...

«Молла Насреддин» — так назывался иллюстрированный юмористический журнал, издававшийся в городе Баку, и Молла Насреддином прозвала передовая азербайджанская интеллигенция его создателя — Джалила Мамед-Кули-Заде — замечательного новеллиста, рассказчика и драматурга, прогрессивного общественного деятеля, родившегося в городе Нахичеване на Араксе, приграничье Ирану, в 1869 году и умершего в азербайджанской столице Баку в 1932 году.

Да, Молла Насреддин остался верен своему народному имени! Он воплотился сразу же после революции 1905 года на земле огненного Баку, в пылу траурных шествий и стачек, чтобы помочь своему народу и поднять его дух бодрой шуткой, чтобы высмеивать косность, реакционность, ложь. Правда, он не всегда поднимался до понимания исторической сущности жестокой борьбы, но всегда он был на стороне тех, кто бился за правое дело, и откуда бы ни шла реакция в те годы, чутко подсаживало ему острый ответ. Как и три века тому назад, делом жизни дважды рожденного Насреддина осталась борьба с темнотой и невежеством, с легковерием лю-

дей, преданных косной старине, с «чудесами» шейхов и религиозных обманщиков. Здесь был он поистине мастером и поистине беспощадным бойцом.

Порой Джалил Мамед-Кули-Заде умел подниматься до подлинной высоты политического прозрения: он понял, чем грозит его народу проповедь панисламизма, пантюркизма, буржуазного национализма всех мастей, скрытого под масками либеральных речей и изданий.

Любовь Молла Насреддина всецело принадлежала родному народу; и поэтому он, так же, как и первый просветитель Азербайджана Мирза Фетх-Али Ахундов, был всем сердцем и разумом на стороне тех, кто нес Азербайджану освобождение и большую жизнь; на стороне людей передовой русской интеллигенции. Высокая закономерность есть в этой исторической последовательности. Мирза Фетх-Али Ахундов был другом русских декабристов; демократ Джалил Мамед-Кули-Заде был учеником русской революции, а в искусстве — последователем лучших русских писателей. Нам трудно представить себе, как тяжел и тернист был путь писателя-демократа, просветителя, друга революционной России в Азербайджане, где царил шариат и где в «просветление» играли нефтяные богачи, заинтересованные в промышленном рабстве родного народа. Чудовищными убийствами из-за угла или смертоносной клеветой они отвечали на революционный подъем, на дыхание пробужденной народной жизни. Дружины наемных бандитов — «кочи», чем-то родственные гнусным отрядам чернорубашенников-фашистов, их восточные «проборазы», охраняли «порядок, поведение и шариат». Убийцы-кочи охотились за передовыми людьми; тех, кого боялись тронуть открыто, затравливали клеветой и провокациями.

Таково было то время, когда смеялся Молла Насреддин, приютивший знаменитого революционного поэта Сабиря, сумевший объединить вокруг журнала лучших людей азербайджанской литературной интеллигенции...

Его не испугала реакция, наступившая после 1905 года. Именно в эти черные годы он оказался в ряду самых верных революционных идеям и самых передовых. Он продолжал писать об эксплуатации трудящихся всевластными богачами и

феодалами, о страшной доле бесправного азербайджанского крестьянства, о закрепощенной женщине, о черном бедствии народной неграмотности. Когда реакционная азербайджанская печать, под маской «просветительства» и сочувствия народу, указывала якобы выход в «духовно-культурном» обновлении и единении мусульман, Молла Насреддин продолжал твердить о братстве народов. Он продолжал звать трудящихся к интернациональному единению и в дни спровоцированной кровавой вражды азербайджанцев и армян, смеялся над угрозами националистов. Как и его тезка — этот старый символ неунывающего народного духа, — Молла Насреддин Второй был известен не только у себя на родине, но и на всем Ближнем Востоке: к голосу его прислушались с восторгом лучшие люди всех мусульманских стран.

Но неверно было бы, если бы родной народу голос Молла Насреддина заглянул для нас образную речь самого Джалила Мамед-Кули-Заде — первоклассного писателя-прозаика, мастера комедии, сатиры и новеллы. И здесь, как во всех областях своей деятельности, он оставался носителем передовой идеи — своей неизменной гуманистической идеи культурного раскрепощения народа. В новелле и в комедии, в повести и в коротком рассказе, на протяжении всех лет своей жизни Джалил Мамед-Кули-Заде боролся с двумя душителями живой жизни: невежеством и ложью. неизменно видел он перед собой лицо врага: обманщика темных невежественных людей, — будь то хозяин-эксплуататор, огражденный всеми хитросплетениями феодальных законов, будь то религиозный «чудотворец», духовный «радетель», судья. Косное духовенство ненавидел он со всей непримиримой силой ненависти деятеля-гуманиста. Здесь, как и в своей журнальной работе, искусный художник слова Джалил Мамед-Кули-Заде оставался все тем же Молла Насреддином, обличителем фанатиков, лжецов и ханжель.

Джалил Мамед-Кули-Заде искусно избрал для своих рассказов необычайно действенный стиль — стиль кажущегося легкомыслия, тон равнодушно-веселой болтовни. Лишь мастер высокого класса мог справиться с этой тонкой игрой: притворная, авторская объективность доводит читателя, где это надо, до острой вспышки раздражения или жалости. Этот магический дар хорошего рассказчика был присущ Джалилу Мамед-Кули-Заде на всех путях его творческой жизни — от рассказов «Почтовый ящик» или «Пропажа ос-

ла», обжигающих сердце досадой на беспощадность беззащитной крестьянской жизни, до крошечной бытовой сценки «Курбан-Али-бек» (о жизни уездной «аристократии») с ее эпиграфом «Да благословит бог твою память, Гоголь». По реализму описаний и живости изображения такие новеллы, как «Уста-Зейнал» («Мастер Зейнал»), могут по справедливости войти в фонд лучших бытовых юморесок мировой литературы. И это не преувеличение. Читатель, посмеявшись над повадками медлительных штукатуров-мусульман, якобы «осквернившихся» в доме армянина, уже никогда не забудет эти классические образчики «восточной лени!» Не забудет читатель и горького, скупого очерка «Четки хана» — о власти «доброего» господина над телом и душой своих подданных, о безграничном лицемерии феодальной культуры.

Эти рассказы и новеллы переведены на русский язык и выпущены бакинским государственным издательством «Азернешр» в 1940 году.

В восточной драматургии Джалил Мамед-Кули-Заде был первым и тонким психологом трагикомического.

В сатирической комедии «Мертвецы» он вывел на сцену образ, тогда новый и неожиданный для Востока: образ «лишнего человека». В комедии этой нет положительного типа, но его заменяет тип образованного юноши, который не вынес трагедии понимания, данного ему европейской культурой; постигая весь идеизм окружающей жизни, он бесцельно ищет бы то ни было помешать или помочь, он сам — плоть от плоти дряхлого общества, пьяница и скандалист. Так своеобразно и талантливо перенес автор на восточную сцену «надрызанный» образ из Галлерей бескрылых характеров. Джалил Мамед-Кули-Заде знал русскую и западно-европейскую драматургию. Он знал и любил Гоголя, Островского, Чехова, норвежца Ибсена... Но окружающая действительность в годы его творческого расцвета не давала ему материала для широкой, развернутой драмы характеров, — для этого слишком узок и специфически своеобразен был уклад Востока, отгородившегося от мира древней стеной.

Прежде всего и во всех деталях Мамед-Кули-Заде был реалистом — реалистом с критическим взглядом и зорким, пронзительным видением действительности. Типичны его новеллы, рассказов, очерков врезаются в память, как образы живых, знакомых людей. Он продолжил и развил наиболее плодотворную линию азербайджанской литературы — линию первого реалистического писателя Азербайджана и

всего Востока, критика, публициста, просветителя — Мирза Фетх-Али Ахундова. Но Джалил Мамед-Кули-Заде пошел дальше: он был писателем демократическим, народным.

Будучи народным бытописателем, Мамед-Кули-Заде никогда не снижался до слащавого народолюбия, ни в чем не поддвываясь под дурные вкусы отсталых масс. Демократичен в наилучшем смысле и великолепный разговорный язык всех произведений этого писателя: эта художественная речь народна и общедоступна, ярка, остра, но вместе с тем чиста и прозрачна. В развитии литературного азербайджанского языка и в истории языковых литературных стилей всего Востока Джалил Мамед-Кули-Заде сыграл огромную, еще недооцененную роль.

Больше десяти лет довелось Джалилу Мамед-Кули-Заде прожить уже после Октябрьской революции, в Советском Азербайджане. Но физические и нервные силы писателя уже были подорваны; и молодость и зрелый расцвет остались позади... Он продолжал, однако, редактировать реорганизованный журнал «Молла Насреддин», продолжал писать художественные очерки и эскизы. Десятки эскизов, набросков, заметок Джалила Мамед-Кули-Заде как бы остались записной книжкой писателя... Много сил отдал он родной стране, а на многое, в сложной и противоречивой обстановке первых послереволюционных лет Азербайджана, сил уже не хватило. Но все написанное им за сравнительно долгую, плодотворную жизнь свежо неуязвимо свежестью подлинного искусства.

Безмерно много сделал этот писатель-реалист для своей родной азербайджанской литературы. Так же, как и его знаменитый предшественник Мирза Фетх-Али Ахундов, он вместе с замечательным поэтом-сатириком Сабиром, с новеллистом Ахвердовым и другими наиболее просвещенными азербайджанскими литераторами своего времени выводил ее из рамок национальной ограниченности на широкую арену мировой жизни: вел к единению с передовой Россией, не страшась трудностей ученичества. Эта способность к правдивой исторической оценке, это умение угадать правду помогли робкому сельскому учителю из глухого приграничного местечка сделаться подлинно большим и незабываемым художником слова.

Редакционная коллегия Б. ГОРБАТОВ,
С. МАРШАК, Д. ПОЛИКАРПОВ